Текст · 8 сентября 2022, 08:03
Михаил Данилович, Евгения Жуланова,

Тюрьма для стариков. Дешевые нелегальные приюты захватили рынок ухода за пожилыми людьми и стали выгодны всем, кроме их клиентов — пример из Перми

Старики и «девочки». В Перми появляется еще один частный дом престарелых

Последний раз 60-летняя Лидия Кротова подняла трубку в декабре 2021 года. С тех пор она не отвечала на звонки корреспондента, а адвокат объяснил, что тоже не может до нее дозвониться — что с ней сейчас, неизвестно. Последние годы Кротова, жившая в многоквартирном доме в спальном районе Перми, жаловалась, что часто ложится в больницу из-за проблем со здоровьем. Защитник рассказывал-, что она «прошла курсы химиотерапии, у нее инвалидность, астма и онкология».

Будь возможность, говорила тогда Кротова, она бы вернулась в свой бизнес, из которого ушла после заведенных на нее уголовных дел: «Бизнес мой разрушили, я до сих пор без слез об этом думать не могу. Я тараканов и клопов брезгую, а за человеком ухаживать — это для меня нормально». «Я же не скрываюсь, — говорила она на суде в 2019-м, когда ей выбирали меру пресечения. — Я прошу одного: я хочу пожить с отцом, моими детьми и внуками. У

меня онкология. Я уже примерно знаю, сколько мне осталось жить. Оставьте меня пока в покое».

В 2013 году, когда Кротовой было немногим больше 50 лет, она освободилась из колонии в Пермском крае, где сидела за хранение наркотиков. На свободе устроилась работать швеей. Через пару лет легла в больницу на операцию из-за онкологического заболевания, а когда пошла на поправку, нашла новый источник дохода — стала сиделкой для больных в возрасте.

Она ухаживала за клиентами в больнице или на дому. За сутки работы брала 2 400 рублей. Вскоре заказов стало много, и Лидия начала «привлекать девчонок» — других сиделок. Они отдавали ей шестую часть их заработка. По словам Кротовой, в «девочках» она не была уверена и родственников стариков предупреждала: «Дома из самого дорогого должен быть только дедушка».

В 2016 году она открыла в Перми частный дом престарелых — там и старики, и сиделки были под ее присмотром. Этот дом престарелых походил на множество таких же частных учреждений по всей России. С него началась история бизнеса, который вскоре и привел Лидию Кротову на скамью подсудимых.

Дедушки, которые дрались. Попасть в такой приют несложно, и обходится он недорого

Приют «Мария» открылся в новом двухэтажном доме из желтого кирпича на Изотовской улице в частном секторе в Перми. Арендодателя Лидия нашла в интернете, там же взяла бланки договоров, которые подписывали близкие постояльцев. Уже потом, вспоминала Кротова, она поняла, что поспешила: в бланках были упомянуты медицинские услуги, а врачей для них не было.

В приют Кротова — как она говорила, на свои деньги — купила линолеум, деревянные кровати и люстры. У «Марии» появилась страница во «ВКонтакте», где за 20 тысяч рублей в месяц для постояльцев обещали «сиделку 24 часа», «ежедневный мониторинг здоровья» и «бесплатную доставку из дома». В контактах был номер телефона Лидии.

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

«Человеку надо работать, — так она объясняла, почему в приют обращались родственники пожилых людей. — А маму надо проверить, памперс ей переодеть утром, в обед накормить». В каком состоянии туда попадали люди, понятно из материалов возбужденного против нее в 2018 году уголовного дела[1]. Старики не могли себя обслуживать[2], «имели нарушения мышления, у них были утрачены способности к общению, сути поставленных вопросов они не понимали». На одном мужчине были-

[3] медицинские трубки для обеспечения дыхания,

кормления и отвода мочи. В приюте были и «дедушки, которые дрались», говорила сама Кротова.

Попасть в «Марию» можно было проще и быстрее, чем в подобный государственный центр — не требовалось проходить предварительное обследование и стоять в очереди. Из материалов дела известно, что через полгода после открытия в «Марии» жили восемь пожилых людей и работали две сиделки. Потом, как сказано в показаниях одной из сиделок, в пансионате было уже полсотни стариков — по восемь человек на сиделку.

Сотрудницы кормили и мыли постояльцев, стригли им ногти и давали таблетки, которые приносили родственники — работали две недели через две и получали 800 рублей за сутки, проведенные в пансионате. Проверяющие нашли здесь и шприцы, то есть старикам могли делать уколы. По закону это уже медицинские услуги, на которые у Кротовой не было разрешения.

«Хорошая сиделка, знаете, кто? Алкоголик». Условия порой напоминают зону

В России — 270 тысяч мест в государственных домах престарелых и психоневрологических интернатах, рассказывает Алексей Сиднев, до 24 февраля руководивший сетью гериатрических центров и ассоциацией компаний из этой сферы «Мир старшего поколения». После начала войны он уехал из страны.

Этого очень мало, считает Сиднев, потому и появляются частные заведения. По его оценке, чтобы в таких приютах был качественный уход, родственники должны платить около 100 долларов в день. Это дорого — в западных странах распространена практика, когда часть расходов берет на себя государство. В России родственники стариков могут платить за их содержание в среднем 1 000 рублей в день — и пансионаты устраивают те, кто согласен работать за эти деньги. «Обычно это коттедж, куда нанимаются сиделки, — продолжает Сиднев. — Сиделки, как правило, приезжают из бедных регионов, часто работают без оформления по трудовому законодательству и живут в том же месте, что и старички».

«Уедут из пансионата на две недели и пьют без ума, — так Лидия Кротова описывала, чем занимаются ее сиделки в нерабочие недели. — Приедут, руки дрожат. Два дня отъедаются, потом уже начинают только нормально работать».

Кротову это устраивало: «Хорошая сиделка, знаете, кто? Только не смейтесь. Алкоголик. Убрать, помыть все, хоть и в перчатках — не каждый сможет. А те, кто пьет, обычно не брезгливые. Когда они перестают пить, начинают считать деньги и зарабатывать».

Сын одной из постоялиц «Марии» Владимир Килин говорит, что сиделки в приюте были «дерганые»: «Вроде не назовешь бомжами, но помятые».

Как работать с пожилыми людьми, Кротова объясняла подчиненным сама. «Лучше зубы сцепили и молчите, — вспоминала она свои объяснения. —

Какой бы он ни был, тихонечко подойдешь, сядешь рядом, погла-а-адишь его». Со временем она стала приглашать в приют двух знакомых медсестер[4].

, чтобы они консультировали сиделок и делали постояльцам уколы.

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

Частные приюты становятся похожи на «зону», цель которой, как у медучреждений в советское время — оградить пожилого человека от общества, продолжает Алексей Сиднев: «Много людей в комнате, кровати стоят так близко, что никакой приватности нет. Часто не бывает лифтов, поэтому люди, которые лежат — их называют "лежаки", "валежник" — не ходят, не гуляют. Свои последние месяцы, годы они проводят, просто глядя в потолок. Ничего гуманного в этом нет». Не меньшей «тюрьмой» Сиднев считает и государственные социальные учреждения, особенно психоневрологические интернаты.

Лифта не было и в приюте «Мария». Об этом говорится в предписании, которое Кротовой дали спустя год после открытия приюта, в августе 2017-го — что стало поводом для проверки, в материалах уголовного дела не говорится. Инспекция из прокуратуры, Министерства соцразвития и пожарных тоже сказала Кротовой, что даже для простейших медицинских процедур — измерение температуры тела и уколы — нужна

лицензия на меддеятельность. Кроме того, у проверяющих были претензии к отсутствию в здании приюта поручней, комнаты карантина для новых постояльцев, пожарной сигнализации, огнетушителей и медицинских книжек у сиделок.

Тогда «Мария» переехала в другой съемный коттедж. Лифта там тоже не было, но пока на пансионат никто не жаловался, и его не проверяли. Инспекция пришла через полгода — после письма конкурентки в Минсоцразвития.

Два трупа. После проверок приют переезжает — чтобы открыться на новом месте

Перед этой проверкой, в феврале 2018 года, в пансионат пришла работать новая сиделка. Кротова говорит, что не хотела ее нанимать, но другие работницы уговорили хозяйку это сделать. Новенькая провела в приюте один день — и после этого пошла к Елене Юлаевой, устроительнице конкурирующего пансионата «Добрые руки», и показала[5] ей фотографии, которые сделала в

«Марии». На снимках видно, что пожилые люди привязаны к кроватям чем-то, похожим на ленты из ткани.

«Добрые руки» работали как минимум с февраля 2016 года — тогда в группе этого пансионата во «ВКонтакте» появился первый пост. Елена Юлаева говорила на следствии, что, «будучи возмущенной нарушениями прав постояльцев», отправила снимки

из конкурирующего приюта по электронной почте в Министерство социального развития.

В таких организациях, объясняет Алексей Сиднев из ассоциации «Мир старшего поколения», постояльцев вообще часто привязывают к кроватям. «Люди с деменцией без надлежащего медицинского сопровождения и без специально подобранной терапии все время куда-то пытаются пойти, у них есть "дела", — рассказывает он. — Когда рук не хватает, то людей привязывают, чтобы они не беспокоили». Можно ли фиксировать пациента, добавляет Сиднев, в российском законодательстве «не прописано», а в некоторых других странах это решает медицинский консилиум.

Привязывали ли сиделки Кротовой стариков к кроватям, неизвестно, но племянница бывшей постоялицы «Марии» Ольга Смышляева говорит, что видела на руке одной из женщин в приюте «тряпичную ленточку какую-то», которая тянулась от кровати. Лента не мешала встать и немного отойти от кровати. «Нянечка сказала: самая бродяжка, не дает никому спать», — запомнила Смышляева. О том, что в пансионате «фиксировали» пожилого мужчину, говорила «Комсомольской правде» и родственница другой постоялицы. По ее словам, тот «был немного не в себе, мог руками махать, разлить суп или даже причинить себе травму». По словам Кротовой, у нее никого не привязывали, хотя в больницах «абсолютно все лежат привязанные».

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

Инспекция, пришедшая в «Марию» после жалобы Юлаевой, кроме тех же нарушений, что и в прошлый раз, нашла два трупа пожилых людей. По словам Кротовой, один из них умер в день проверки и для него ждали скорую, а второй — прямо во время нее.

Тогда Следственный комитет и возбудил против Кротовой дело по статьям о небезопасных услугах-[6] и незаконном предпринимательстве[7] — при этом привязывания и трупы Кротовой в вину не поставили. В обвинительном заключении цитируется представитель Минсоцразвития: «Фактов насилия, жестокого обращения не выявлено», и больше эта тема не поднимается. В декабре 2018 года Индустриальный районный суд Перми дал Кротовой год и четыре месяца условного срока.

Пока судебный процесс еще шел, в том же коттедже открылся новый пансионат, уже с названием «Надежда». Кротова объясняла, что им занимался знакомый собственника здания Вадима Поздеева, а тот говорил, что сама Кротова. Через год пожилой мужчина из пансионата в истощенном состоянии попал в больницу, в «Надежду» снова пришла проверка и нашла все те же нарушения. Наказали обоих: Кротова получила второй срок — год и три месяца условно, знакомый Поздеева[8] — обязательные работы.

Елена Юлаева, которая нажаловалась на конкурентку Кротову, тоже не обошлась без уголовного дела по той же статье о небезопасных услугах.

«Макароны смешаны с пюре». В пансионатах конкурентов все те же проблемы

До открытия пансионата для стариков у Елены Юлаевой, как и у Кротовой, были проблемы с законом. В 2010 году мировой суд приговорил ее к штрафу за то, что она ударила соседского ребенка сумкой по голове. Юлаева в суде объясняла, что шишку ребенок получил, упав с велосипеда. В 2013-м Свердловский районный суд Перми дал ей полтора года условно за то, что она «схватилась руками за лицо» водителя в полицейской машине; почему ее посадили в эту машину, в приговоре не указано. Сидевшего рядом полицейского Юлаева укусила за руку.

Помещение под приют, в отличие от Кротовой, у Юлаевой было собственное. Сначала это был

трехэтажный коттедж, затем — двухэтажное нежилое здание.

У «Добрых рук» была лицензия на медицинскую деятельность, но только на работу в коттедже. Квалифицированного персонала и лифта там тоже не было. Узнать, как обращаются со стариками в приютах конкурентов, Юлаевой было несложно: некоторые сиделки работали одновременно и в «Марии», и в «Добрых руках». По словам предпринимательницы, «они все ходят по кругу». После закрытия «Марии» пожилые люди разъехались в государственные учреждения и другие частные приюты. Один мужчина оказался в «Добрых руках» — Юлаева запомнила, что у него была чесотка. В 2018 году у Роспотребнадзора были претензии к тому, что в «Добрых руках» не было лифтов и пандусов, но это не помешало Юлаевой работать дальше.

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

В 2020 году у нее начались проблемы посерьезнее: Юлаева потеряла коттедж, на который у нее была медлицензия. По ее словам, она заняла деньги под залог этого дома, при этом согласилась на сомнительную схему, когда имущество переписывается на кредитора, и тот обещает его вернуть после выплаты долга. Но возвращать дом Юлаевой отказались.

На первом этаже нового здания шел ремонт — «бетон заливали», а на втором поселили десяток стариков.

Дочь одной из бывших постоялиц «Добрых рук» Елена Каленова вспоминает, что мать жаловалась ей на холод и плохое питание («макароны смешаны с пюре»), она считала, что «мама хотя бы в доме престарелых, там их хотя бы охраняют от ковида». Месяц в пансионате стоил 25 тысяч рублей.

Пролежни и какая-то сыпь. Суды и уголовные дела ситуацию не меняют

В октябре 2020 года телеканал РЕН ТВ показал репортаж, в котором родственники постояльцев жаловались на приют Юлаевой. В кадре видно, что дочь одной из постоялиц туда не пускают. Когда же она забрала оттуда свою мать, то заметила на ее теле пролежни и «какую-то сыпь» — в суде над Еленой Юлаевой выяснилось, что из-за нерегулярного мытья у стариков была чесотка.

В «Добрые руки» пришла проверка и нашла здесь, как и до этого у Кротовой, труп постояльца. Следственный комитет завел дело об оказании небезопасных услуг[9], приведших к смерти потребителя. Потом дело смягчили, переквалифицировав на ту же первую часть статьи, что вменили Кротовой. В начале февраля 2022 года Юлаеву приговорили к штрафу в 150 тысяч рублей.

Свой приговор в одном из залов Кировского районного суда она слушала, медленно перекатываясь с носков на пятки. Других эмоций Юлаева не проявляла. В приговоре перечислены те же нарушения, что и у Кротовой: в «Добрых

руках» не было лифта, пожарной сигнализации и квалифицированного персонала.

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

После заседания Юлаева вместе с журналистом «Новой вкладки» дошла до внедорожника *Mercedes-Benz* стоимостью в несколько миллионов рублей, стоявшего у здания суда. В машине ее ждал сын, он сидел на пассажирском сиденье. Юлаева тогда объясняла, что ее бывших клиентов настроили против нее те, кто «отжал» у нее бывшее здание пансионата. В отличие от Кротовой, Юлаева решила обжаловать приговор — судя по информации на сайте Кировского районного суда Перми, пока безуспешно.

Еще раз пообщаться с Юлаевой, как и с Кротовой, не удалось. Она больше не отвечала на звонки, а в нескольких СМС объяснила: «С вами свяжутся адвокаты, будем решать вопросы по-другому — подам на вас в суд за разглашение персональных данных. Впредь прошу вас не беспокоить меня».

Новые «Добрые руки». И те же дома престарелых возрождаются снова и снова

«Государству выгодно, чтобы эта система существовала, — полагает Алексей Сиднев, работавший в бизнесе по уходу за пожилыми людьми. — Пожаров случается не так много. Если даже бывает

один-два, то это только звучит страшно, а погибает "всего" десять человек. Вроде как все работает, люди не требуют дополнительных государственных мест».

После «какой-то жалобы или ЧП» частные пансионаты массово проверяют: «Что-то случилось — участковому говорят, что на его территории нужно проверить все такие учреждения на наличие, например, средств пожарного оповещения. А участковый прекрасно знает это учреждение, потому что он туда приезжает оформлять смерти и зарабатывает на этом, продавая информацию о смерти ритуальным компаниям. Зачем ему закрывать организацию, которая приносит ему доход?».

Хронология пожаров в домах престарелых в последние годы

11 января 2022 года. Загорелась крыша пансионата в подмосковном Пушкине. В здании находились 48 человек, из которых 13 — персонал. Все постояльцы были выведены из здания, никто не пострадал.

8 января 2022 года. Погибли четыре человека во время пожара в доме престарелых «Золотой век» в Кузбассе.

9 января 2021 года. В Тюменской области в поселке Боровский при пожаре в частном доме престарелых погибли семь постояльцев. «Дом со строениями был приспособлен под частный дом престарелых. Там оказывали услуги по размещению и уходу за пожилыми людьми. Все погибшие — постояльцы этого дома», — сказал источник ТАСС.

15 декабря 2020 года. 11 пожилых постояльцев погибли во время пожара в приюте в селе Ишбулдино Абзелиловского района Башкирии.
10 мая 2020 года. В частном хосписе для престарелых «Второй дом» в подмосковном Красногорске произошел пожар, в котором погибли девять человек.
8 апреля 2020 года. Загорелся пансионат для пожилых людей в Москве, погибли четыре человека.

В последний раз, когда Лидия Кротова из пермского приюта «Мария» общалась с журналистом «Новой вкладки», она говорила, что для возрождения бизнеса уже присмотрела коттедж за городом. Родственники прежних постояльцев, как она считала, были ей благодарны, а надзорные органы просто не хотели «помочь, подсказать».

Фото: Евгения Жуланова / «Новая вкладка»

Если бы не фотографии с привязанными мужчинами, ее бы не тронули, была уверена Кротова: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Всем на все наплевать».

Елена Юлаева после суда говорила, что собирается доделать в здании приюта ремонт и возобновить работу. Так и случилось. В начале августа 2022 года она рассказала[10], что ее приют недавно снова начал работу

— размещение там пожилого человека стоит 30 тысяч рублей в месяц.

Этот текст вы можете прочесть и на сайте «Новой вкладки».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Материалы дела есть у «Новой вкладки» и «Медиазоны».
2. Объясняла следователю сотрудница Министерства социального развития Пермского края.
3. Об этом в своих показаниях говорила Глумова А. Л., медсестра в лечебном учреждении Перми, знакомая с Кротовой — потом ее Кротова приглашала на работу и в свой приют.
4. Наталью Любимову и Алевтину Глумову.
5. Об этом сиделка рассказывала во время следствия.
6. Часть 1 статьи 238 УК (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).
7. Часть 1 статьи 171 УК (незаконное предпринимательство).
8. Его звали Демид Елагин.
9. Часть 2 статьи 238 УК.
10. Об этом Юлаева сказала одному из авторов материала, который представился родственником пожилого человека.